

Константин Хайт
Свидетель

16+

Константин Хайт

Свидетель

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Хайт К. А.

Свидетель / К. А. Хайт — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Повесть о том, как в добрых людях рождается зло, как настоящие мужчины становятся игрушечными, а женщины страдают от своей привычки страдать. Здесь все неправдоподобно просто потому, что списано с жизни, хотя, разумеется, никогда не могло бы существовать. Короток путь от свидетеля до сообщника, а добро и сострадание легко становятся источником зла и первопричиной беды.

Нас было пятеро. Мы сидели вокруг старого овального стола на габоевской кухне, жевали булочки с маком и тихо беседовали. Точнее – беседовали мы вдвоем, а еще вернее – Ахмед Асланович беседовал сам с собой, и только я иногда успевал вставлять в его монологи редкие все больше невразумительные реплики.

Дети молчали. У Габоевых было не принято перебивать старших, исключение допускалось только для Галки, как для человека, воспитанного в других традициях и для меня, поскольку мне всегда было наплевать на все их габоевские правила. Галка, впрочем, молчала тоже, задумчиво сидела на краешке стула, лишь изредка поднимаясь, чтобы долить кому-нибудь чаю.

Обсуждали Руслика, из-за которого, собственно, и собрались.

– Дурак он, – задумчиво рокотал Ахмед Асланович, теребя густую лохматую бороду, – дурак и олух.

Я смотрел на его умное носатое лицо и пытался понять, что он на самом деле имеет в виду. С Ахмедом Аслановичем никогда нельзя было сказать наперед, говорит он то, что думает, или прямо наоборот.

– Молодец, конечно, что сопли не распустил. Не ожидал. Но зачем? Зачем!..

Его манера говорить всегда озадачивала меня не меньше, чем неожиданный ход мыслей. Я никогда не мог предугадать, куда он завернет тему, а короткие отрывистые и не всегда уместные фразы, которые он словно выстреливал в собеседника, окончательно сбивали с толку.

– Ну вот скажи, для чего ему это надо?

Вопрос, очевидно, был риторическим, и все же он был обращен ко мне, и от меня, видимо, ждали ответа.

– По-моему, если к тебе на улице пристают с ножом, трудно задаваться вопросом "зачем», – ответил я без охоты, поскольку все еще не понимал, куда он клонит.

– А *зачем* ходить по такой улице? Ну вот ты мне скажи, зачем ходить по такой улице? Было бы у тебя, к примеру, двое детей, ходил бы ты ночью темными переулками?

Я деликатно пожал плечами. Детей у меня не было, но темными переулками я все равно, разумеется, не ходил. Мне вообще было не очень понятно, что там случилось на самом деле, но я был далек от того, чтобы прямо сейчас начинать выяснять подробности.

Мой жест должен был означать полнейший нейтралитет, но Ахмед Асланович принял его за одобрение своих слов. У него вообще вошло в привычку считать подтверждением все, что не являлось очевидно выраженным отрицанием, а потому он охотно принялся развивать мысль вглубь и вширь.

– Нет, я могу понять – машина сломалась. Бывает. Хотя в ваши годы, друзья мои, пора уже иметь две машины. Но нет машины – возьми такси. И не задерживайся на работе, тем более, было бы зачем задерживаться.

– Конечно, я виноват, – он потихоньку распаялся и кавказский темперамент начинал брать в нем верх над самообладанием профессионала, – вырастил сына дураком. Но я ли ему не предлагал: в бизнес мог устроить, в политику, в дипломаты. На таможенню мог, тоже место хорошее. Башковитый ведь парень, нигде б не пропал.

Тут он помрачнел и слегка прихлопнул ладонью об угол стола.

– Я-то, дурак, думал: подрастет – сам разберется. Никогда его об колено не ломал. В комсомол не хочешь – пожалуйста. В бога не веришь – пожалуйста. В институт – пожалуйста, иди куда душа пожелает. Журналистом – пожалуйста. Жениться решил – пожалуйста...

Я скосил глаза на Галку, но она, похоже, не вникала в суть разговора. По-моему, в тот момент ей больше всего хотелось, чтобы мы поскорее убрались, но не тот она была человек, чтобы сказать это вслух.

– ...И вот, – продолжал между тем Ахмед Асланович все с той же грустью в словах, – выросло...

– Ну, – вмешался я, – это Вы зря. Руслан – отличный журналист, у него великолепный слог, и его с удовольствием публикуют.

– Журналист... – Ахмед Асланович слегка фыркнул, – тоже, конечно, дело.

Затем добавил с еле заметной ехидцей:

– Ну ладно, пусть журналист. И что? Писал бы хоть о войне, о политике... В конце концов пресса – четвертая власть. Или пятая, не помню... не важно. А он о чем пишет? Вот-вот. Парню четвертый десяток, а у него на уме всякая дребедень: машинки-игрушки. Ходит, как шпана, закоулками, деньги тратит невесь на что.

– Ты посмотри, где мои внуки живут! А ведь мог бы уже и квартиру нормальную иметь... – он широко развел руками, призывая меня поглядеть на Габоевскую квартиру. Хибарка, кстати, на мой вкус была вполне ничего. Не хоромы, конечно, как у некоторых, но и не трущоба, как у некоторых других.

Я вздохнул. Сказать мне было нечего. С одной стороны, Ахмед Асланович без сомнения был неправ, с другой – я чувствовал, что с Русликом действительно что-то не так, хотя дело тут, конечно, было не в профессии, не в квартирах, и даже не в переулках.

До стоянки мы шли вместе, Ахмед Асланович чуть впереди, я на полшага сзади. Пока он залезал в свой джип, я стоял около машины, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Было неудобно уезжать не попрощавшись и неловко начинать прощаться первым, будто я спешу избавиться от его общества. Предрассудки, разумеется.

Наконец, Ахмед Асланович запустил двигатель и слегка приоткрыл запотевшее окно.

– Ты, Игорек, это... присмотри там за Русланом, – произнес он неожиданно тихим, почти просительным тоном, еле слышным из глубины просторного кожаного салона – не нравится мне он в последнее время... Совсем не нравится.

Тогда он в первый раз за двадцать лет назвал меня "Игорьком" и первый раз о чем-либо попросил. Скорее всего то была случайность, минутная, ничего не значащая слабость обыкновенно сильного и высокомерного человека. Не думаю, чтобы я ввязался в эту историю именно из-за того разговора. Тем не менее, случилось так, что я очень долго выполнял его просьбу, и она в конце концов обернулась во вред и самому Руслику, и всем нам. Быть может, я просто понял ее черезчур буквально.

* * *

Его звали Степаном и был он хохол из Донецка, если, конечно, в Донецке встречаются настоящие хохлы. Уж не знаю, что заставило парня из города углекопов перекаленичиться в моряки: биография этой странной личности была также темна, как и ее нынешние делишки. Степан служил капитаном небольшого, насквозь ржавого сухогруза, гордо бороздившего моря под полинялым флагом то ли Камбоджи, то ли Гондураса. Несмотря на это на корме сухогруза красовалась вполне кириллическая, хотя и изрядно стершаяся от времени надпись: ««Марианна Трубникова». Николаев». Уж не знаю, кто была упомянутая Марианна, видела ли она когда-нибудь корабль, названный в свою честь и если видела, то гордилась ли этим.

Команда Степана, как легко догадаться, также имела к весьма опосредованное отношение к Камбодже и Гондурасу. Примерно половину в ней составляли здоровенные украинские хлопцы, внешний вид и повадки которых заставляли вспомнить о запорожцах, в момент написания письма султану. Оставшаяся часть представляла собой разношерстый интернациональный сброд, столь же впечатляющий при первой встрече, сколь и не запоминающийся при последующих.

Настроение у капитана было неважным. Причины для этого были достаточно вескими. Пару лет назад, простаивая в Калининграде в тщетных поисках фрахта, Степан связался с какой-то фирмой, организованной шустрými ребятами из теплых стран. С таможенной

они были не в ладах, зато денег имели в достатке, так что в следующие полдюжины рейсов "Марианна" выходила груженной металлическим ломом и прочими отходами конверсионного производства. Правда, кое-кому из бывавших на борту эти «отходы» могли показаться подозрительно новыми, а документы на них – не совсем понятными и комплектными, но южные ребята неплохо умели решать вопросы такого сорта. Потому бизнес их рос и развивался, к останкам танков и списанным истребителям прибавились курдские иммигранты, гарные украинские дивчины и рабочие из Вьетнама, страстно желающие подсобить процветанию американской экономики.

Все это приносило Степану приличный доход, но, видимо, где-то в цепочке смежников случился прокол и ребятами с юга заинтересовались в ФБР. Проблемы с этим ведомством они решать не умели и теперь давали показания в калининградском СИЗО, покуда "Марианна" простаивала без дела у нью-йоркского причала, а ее капитан нервно курил, день ото дня ожидая визита полицейских властей.

С Русликом они договорились сразу. Я всегда восхищался фамильным габоевским умением располагать к себе людей. Уж не знаю, что они находили в этом небритом, не слишком опрятном, я бы даже сказал, слегка подозрительном субъекте, но стоило Руслану улыбнуться, как совершенно незнакомый человек был готов оказать ему весьма значительные услуги.

Когда мы подъехали, Степан лично дежурил у трапа. Не задавая лишних вопросов, он провел нас в корму, туда, где нам предстояло провести большую часть трансатлантического рейса. Излишне утруждать себя он, правда, не стал: быстро представил своего помощника – маленького сморщенного человечка, не обратившего на нас никакого внимания, объяснил, где найти галюн и камбуз, как открывать и задравать иллюминаторы – и исчез по своим делам. Мы еще не успели разложить вещи, когда внизу натужно завывли старые дизеля.

* * *

Для деятельного человека нет ничего хуже праздности. Я вот, к примеру, терпеть не могу это дурацкое состояние, когда вся работа сделана, а никаких развлечений в округе нет. Некоторые люди находят такое положение редкой удачей, считая его за лишнюю возможность подремать, сходить в кино или почитать книжку, но я, что греха таить, всегда относился к ним с легким презрением. Лежать на диване и таращиться в телевизор – занятие для бездарностей, которым не хватает энергии и фантазии, чтобы с пользой провести свой досуг. Я в такой ситуации чувствую себя, как тигр в клетке.

К счастью, в Москве этого со мной практически не случается – там почти всегда находится куча дел. Если же вдруг выдается лишняя минутка, можно поехать кататься на сноуборде или, в зависимости от времени года, погонять на аквабайке. На худой конец, существует целая куча клубов и дискотек, где кроме веселого времяпрепровождения иногда можно завязать приятное знакомство.

В командировке все намного сложнее. Нет, здесь тоже, разумеется, есть где потратить свободные часы, но, увы, местные развлечения поразительно быстро приедаются. Особенно это заметно в Америке. Может где-нибудь в Лас-Вегасе все совсем иначе, но в Далласе, Чикаго и Детройте мне не удалось найти сколь-нибудь стоящих мест, куда хотелось бы возвращаться регулярно. Возможно, мне просто не хватило времени, а может у меня завышенные аппетиты, не знаю.

В общем, когда текст был дописан, пунктуация проверена, фотографии подписаны и пронумерованы с филигранным тщанием, я в очередной раз ощутил, что делать мне абсолютно нечего. Времени было двадцать два ноль-ноль или что-то около того. Одним словом, спать еще рано, а браться за что-нибудь серьезное – уже поздно. Поэтому, пометавшись минут двадцать от Пелевина к кофейнику, я собрался и пошел тормошить Руслана.

Как ни странно, он не заставил себя упрашивать. Вообще-то Руслик редкостный домосед, вытащить его в свет – преогромнейшая проблема. Я, правда, помню времена, когда это было намного проще, но женитьба в этом плане пошла ему во вред. В этот раз он, однако, не артачился. Мы живо погрузились в арендованный редакцией "Понтиак" и покатали слушать блюз.

Сказать по правде, я не фанат блюза. Более того, по нашу сторону океана меня на него калачом не заманишь. Но, увы, в Чикаго это один из немногих способов сносно провести время.

Ночной хайвей – вообще-то зрелище для эстетов. Мы с Русликом в свое время отщелкали здесь немало отличных кадров, часть из которых даже попала в печать. Но в дождь он превращается в кромешный ад. Поток машин поднимает над дорогой мелкую водяную пыль, поглощающую свет похлеще любого тумана. Несущиеся навстречу ослепляют фарами, попутные норовят обдать фонтаном брызг, и никто даже не думает снижать скорость.

Этот вечер был из таких противных дождливых вечеров. Темный, как любой вечер в этих широтах, он казался светлее из-за света фонарей, отражавшегося и рассеивавшегося в водяном мареве. Этот неестественный белесый туман скрадывал крупные предметы в тридцати шагах, но даже если через него пробивался какой-нибудь огонек или силуэт, оценить расстояние до него было все равно невозможно. Впереди нескончаемой красной лентой мчались задержавшиеся на работе горожане. Навстречу спешили обитатели предместий. Желтые фары внезапно возникали из дымки, больно ударяя по сетчатке усталых напряженных глаз. Говорят, что телевизор и компьютер дурно влияют на зрение, но, по-моему, они в сто раз безобиднее скоростной магистрали в дождь.

Пока Руслик сосредоточенно рулил, "баранил", как говаривают иногда в нашем кругу, я занимался прелюбопытным делом. Я считал. За десять миль я насчитал шесть крупных аварий, две полицейские засады и троих несчастных, обосновавшихся на обочине с жалостливо приподнятым капотом. Для бога дождя наступило время собирать урожай.

Внезапно Руслан ударил по тормозам и меня с силой толкнуло вперед, больно ударив коленом о переднюю консоль. Прежде, чем машину начало вертеть, я успел вцепиться в ручку двери, счастливо избежав более серьезных травм. Все произошло удивительно быстро. Настолько быстро, что только много времени спустя я окончательно осознал, какой водительский шедевр сотворил мой друг на мокрой, скользкой от дождя дороге. А тогда я почувствовал лишь резкий рывок, услышал надрывный стук АБС, перекрываемый свистом покрышек, и с трудом, краем глаза, различил человеческую фигуру, окутанную фонтаном поднятых нами брызг.

Через десять секунд "Понтиак" стоял посередине левого ряда, нелепо развернувшись поперек полосы и яростно моргая аварийными фонарями. Мрачно чертыхнувшись, Руслан выкарабкался из машины и резво затрусил к одинокой тени, по-прежнему неподвижно стоявшей посреди ночного хайвея. Мне пришлось посидеть немного, чтобы прийти в себя. Перед тем, как вылезти наружу я закурил – в водном хаосе, царившем снаружи, сделать это было бы куда труднее – и не торопясь побрел следом.

* * *

Как правило, я проезжал этот перекресток дважды в день: первый раз, когда выезжал из дома и второй – когда возвращался вечером обратно. Перекресток был самый обыкновенный, как почти все перекрестки в спальных районах, и я редко обращал на него внимание. Хмурые высотки поодаль, пожухлый газон, стеклянные кубики автобусных остановок, где припозднившийся прохожий до полуночи мог прикупить себе пива и сигарет.

У перекрестка всегда ошивалась разношерстная компания из местного плебса: водопроводчики, "на секундочку" отлучившиеся от труб и унитаза, потомственные безработные,

сомнительного вида подростки и грязные заросшие бомжи, местами вовсе непохожие на представителей человеческого рода.

В этом колоритном сборище выделялся один калека-бомж. Я мало интересуюсь подобной публикой, но этого типа невозможно было не заметить. От прочих представителей своего сообщества он отличался отсутствием обеих ног. Правая была ампутирована выше колена, у левой отсутствовала стопа. В его положении это увечье существенно уменьшало шансы на выживание – в бесконечной борьбе за кусок хлеба он мог полагаться на две конечности там, где конкуренты использовали все четыре. Из-за этого ли, по другой ли причине, но этот бомж всегда был еще грязнее и замухрыжистее прочих. Его клочковатая седая борода ниспадала чуть ли не до пояса, переплетаясь с редкими жирными волосами, выбивавшимися из-под засаженного балахона, некогда представлявшего собой спортивную курточку с капюшоном. Передвигался он посредством двух кривых суковатых палок, крепко зажатых в кряжистых мускулистых руках, используя культю левой ноги в качестве третьей опоры. Смотреть на это было жалко и страшно одновременно.

В тот день я ехал с девушкой. Не помню с которой именно: тогда я не ставил себе задачу запоминать каждую из них. Помню только сам факт ее присутствия, поскольку именно из-за нее я опоздал на зеленый свет: с пассажиром я всегда торможу там, где жму на газ, когда еду один. В тот раз я поступил так же: с сожалением затормозил, заскрипела резина и мой черный "Мерседес" плавно остановился у самой стоп-линии, аккуратно напротив автобусной остановки.

На остановке, на лавочке сидел безногий бомж. Ему не было никакого дела до черного "Мерседеса": он был ужасно занят. Он ел. Зажав обеими руками раздобытый где-то батон, он с упоением вгрызлся в него остатками почерневших зубов. Я смотрел, как он прижимает к себе эту краюху белого хлеба, не имеющую никакой ценности для меня, но невероятно важную для него. Смотрел и думал. Не знаю, отчего мне пришло это на ум, но я вдруг ощутил, что этот грязный, волосатый, безногий и беззубый бомж – такой же человек, как я. Более того, быть может даже еще лучше, поскольку неизвестно, во что бы мог превратиться я сам, если отобрать у меня "Мерседес", работу, талант и две ноги впридачу.

Не то, чтобы я никогда не задумывался об этом до сих пор, но всегда эти мысли представлялись мне некоторой абстракцией, и я гнал их от себя, стараясь не загружать мозг бессмысленными вещами. Теперь передо мной был вполне конкретный, живой пример того, как близко от нашего сытого, благополучного существования ходит мрачный, первобытный ужас с засохшим грязным батончиком наперевес.

Я никогда раньше не подавал нищим, но здесь что-то заставило меня действовать вопреки всякой логике и здравому смыслу. Я вышел и пошел к нему. Вблизи он оказался еще страшнее: к кошмарной апокалиптической внешности добавились резкий тошнотворный запах и омерзительное рыгание, постоянно перебивающее смачное чавканье беззубых челюстей. Преодолевая брезгливость и стараясь не испачкать костюм, я приблизился к нему, зажав в руке стодолларовую купюру. Сто долларов – не такая уж маленькая для меня сумма, но, как на зло, кроме нее в кармане не оказалось ничего – только какая-то совсем уж несуразная мелочь. Конечно, для такого случая можно было бы ограничиться любой копеечкой, но я не намеревался просто подать милостыню. Мне хотелось сделать этому несчастному человеку подарок, который изменил бы все его существование, позволил хоть на некоторое время оторваться от животной борьбы за кусок хлеба, столь странной и неуместной в моей богатой, благополучной Москве.

Бомж смотрел на меня исподлобья, бессмысленно и подозрительно одновременно. Очевидно, он не понимал, чем заинтересовал этого человека в костюме, пришельца из другого мира, и скорее опасался за свой батон, нежели надеялся что-нибудь от меня получить. Зажав пальцами нос и стараясь не глядеть в его сторону, я протянул купюру. Я ожидал, что он с жад-

ностью вцепится в нее, но он продолжал сидеть, похрустывая батоном и косясь на меня мутными бесцветными глазами.

С полминуты мы разыгрывали эту маловразумительную пантомиму. Остановившиеся за мной водители, потеряв веру в клаксон, принялись объезжать мой "Мерседес" справа и слева, грозя столкнуться друг с другом и отчаянно матерясь. Девушка недоуменно ерзала на пассажирском сидении. В конце концов, я просто положил бумажку рядом с бомжом и чуть не бегом вернулся к машине. Отъезжая, я с удовлетворением заметил, что он поднял купюру и меланхолично ее разглядывает. Мое напряжение слегка улеглось: просто оставить сто долларов на скамейке было бы куда как обидно.

Не помню в точности, как именно я провел тот день. Девушку я высадил у метро, примерно там же, где подобрал накануне вечером. Потом поехал в какую-то редакцию, затем – то ли на радио, то ли на интервью. В общем, то был обычный рабочий день.

Ближе к вечеру мне показалось странным, что с самого утра никто не побеспокоил меня телефонным звонком. Для журналиста, работающего сразу в нескольких изданиях, такая ситуация в высшей степени нетипична. Привычно ощупав "кобуру" на поясе, я легко выяснил причину этой странности: мой мобильный телефон бесследно исчез. Сперва я подумал, что, вероятно, забыл его дома, но эта гипотеза быстро развалилась: мать звонила мне в тот момент, когда я вызвал со двора, я запомнил это, так как потянувшись за трубкой едва не раздолбал припаркованный поперек дороги "Опель". Затем я подумал на девушку, но она вряд ли стала бы унижаться до мелких краж. Это была хорошая, давно знакомая мне девушка: ей было бы совсем несподручно ссориться со мной из-за пустяков.

И тут я вспомнил про бомжа. Конечно ему, инвалиду, не так-то просто что-нибудь стибрить, но все прочие факты свидетельствовали против него. Чем больше я вспоминал свое общение с этим полуживотным, тем сильнее крепили мои подозрения и вскипала на душе безотчетная злоба.

Вечером, по пути домой, я снова остановился на перекрестке. Мне вовсе не хотелось дарить безногому телефон, тем более что я не чувствовал себя перед ним в долгу. На остановке никого не было. Я растерялся: где искать бомжа я не знал, равно как не имел никакого желания расспрашивать об этом местную публику. Кроме того, я, как оказалось, весьма смутно представлял себе, что буду делать, если все-таки его отыщу. При одной мысли об этом меня охватывала брезгливость. Ударить калеку я безусловно не смог бы ни по этическим, ни по гигиеническим соображениям, вести же с ним душевспасительные беседы было бы и смешно, и глупо.

Ни на что, толком не рассчитывая, я пошел по шоссе вперед, туда, где за придорожной канавой расстился большой заболоченный пустырь: остатки какого-то навеки замороженного промышленного строительства. Метров через пятьдесят мне встретилась глубокая борозда, уходящая в сторону от дороги. Обрамлявший стройку кювет в этом месте совсем обмелел, и я перебрался через него даже не замочив ботинок.

Не знаю, какое именно чувство погнало меня туда, но сделав несколько шагов по густой глинистой грязи, я вдруг заметил блестящий предмет, втоптаный в землю у самого края тропы. Предмет был втопан в грунт и сильно перепачкан, и все же я без труда узнал в нем верхнюю половинку своего телефона. Еще через несколько секунд я разглядел и его нового обладателя. Бомж лежал лицом вниз совсем неподалеку от тропы. Обе его палки валялись рядом, одну из них он все еще сжимал в руке, в другой руке была зажата вторая половина моей сотовой трубки.

Поза бомжа была странной и неестественной. С того места, где я стоял, неясно было, пьян он, болен или просто спит. Но стоило мне приблизиться, как все стало на свои места. Бомж был мертв. Мертв давно, возможно еще с утра. Он не умер от простуды, разрыва сердца или какой-нибудь зловредной заразы, которую при его образе жизни так легко подцепить. Его убили, и

испачканный кровью рваный тулуп с большой дырой на спине красноречиво свидетельствовал об этом.

Первым моим желанием было немедленно развернуться, сесть в машину и ехать домой с максимально возможной скоростью. Меня отнюдь не прельщала перспектива проходить свидетелем по делу о насильственной смерти. Потом мне пришло в голову, что обломки моего телефона – слишком сильная улика, чтобы не привлечь внимание следствия. Скрывшись с места преступления, я могу ненароком оказаться не просто свидетелем, а подозреваемым, как не нелепо подозревать такого человека как я в убийстве заморенного нищего.

Я не дурак, а потому не стал делать резких движений и необдуманных поступков. Вместо этого я остановил проезжающий микроавтобус, объяснил водителю ситуацию и попросил его побыстрее вызвать милицию и скорую помощь. Они приехали довольно живо, к моему удивлению лишних вопросов не задавали, записали только мое имя, профессию и адрес прописки. С явной брезгливостью наспех осмотрели пустырь и вызвали транспорт, чтобы забрать труп. Потом погрузились в потрепанный "УАЗик" и уехали, оставив меня ждать следователя. Я ждал его до полуночи, продрог до костей, плюнул и поехал домой, полный предвкушения грядущих неприятностей.

С тех пор никто и никогда не беспокоил меня по этому делу. Через полгода я поменял квартиру и так и не узнал, забрал ли кто-нибудь с пустыря человека, убитого из-за моих денег и моего телефона.

* * *

Почему-то считается, что нам, людям творческим, не приходится вкалывать в поте лица из-за куска хлеба. Это неправда. Ради удачного кадра или нетривиального сюжета, порой, можно объехать полмира, сбиться с ног или сойти с ума. Но иногда, очень редко, нам везет, и сенсация приходит сама, зачастую самым неожиданным и нестандартным образом.

Как-то раз такая удача явилась мне под видом школьного приятеля, начинающего балетмейстера, подыскивающего себе подержанную иномарку. В машинах он понимал куда меньше, чем в па и подержках, и, прослышав, что я подался в автомобильную журналистику, немедленно позвонил с просьбой подсобрать.

Сперва мне страсть как хотелось отказаться. Терпеть не могу мотаться по газетным объявлениям, торговаться с владельцами ушатанных ведер и с умным видом давать ничего не значащие советы человеку, который все равно не будет их слушать. Затем я смекнул, что доброе знакомство с балетмейстером – не совсем бесполезная штука, и согласился.

Процесс, как и ожидалось, оказался утомительным. Денег у Макса было в обрез, чего не скажешь о запросах. Мы потратили четыре выходных, осмотрели чертову тучу автопомоек, но до поры до времени тщетно. К несчастью Макс, был упорен и ни за что не хотел сдаваться на милость победителя, соглашаясь на какой-нибудь простой и бюджетный вариант. Удивительно, до чего гордыми и глупыми бывают люди, выбирая свой первый автомобиль.

В какое-то воскресенье очередное объявление привело нас в гаражный кооператив неподалеку от МКАДа. Хозяин машины – обветшалого баварского чуда вызывающего пунцового цвета и сомнительной чистоты происхождения, потратил немало сил, охмуря нас достоинствами своего жеребца. И хотя всякому было понятно, что его ведро рассыплется после нескольких километров московских улиц, он все же сумел уговорить нас сделать пробный заезд.

Мы выехали на МКАД. Водил Макс примерно так же, как танцевал: легко, изящно и без видимого усилия мысли. С необычайной легкостью он скорехонько разогнал тарантас километров под двести в час, после чего нам с владельцем машины оставалось лишь молиться, чтобы двигатель отказал раньше, чем тормоза.

К моему удивлению, обошлось без того, и другого. С дурацкими ухмылками перетрусивших дилетантов мы промчались пол-Москвы, развернулись и понеслись обратно, сохраняя все ту же балетно-молодецкую лихость. Я уже начал привыкать к такому режиму движения, как Макс внезапно затормозил и принялся поспешно вырывать на обочину.

Мне потребовалось больше минуты, чтобы понять причину его поведения и схватиться за фотоаппарат. За это время асфальт впереди окончательно расселся и оттуда, прямо из дорожного полотна, стали со свистом вырываться струи горячего пара. Еще через несколько секунд вся внутренняя сторона МКАДа являла собой совершенно фантастический пейзаж. Асфальт на ней вздыбился, весь покрывшись гигантскими воронками, отдаленно напоминающими марсианские кратеры. Из этих кратеров с непередаваемым шумом вырывались могучие тугие струи. Самый высокий гейзер вздымался едва ли не на высоту пятиэтажного дома, низвергаясь вниз подобно небольшому водопаду.

В это бурлящее и клокочущее месиво продолжали потоком мчаться автомобили. Не успев остановиться, они неслись среди кипящих фонтанов, поднимая волны и вздымая вокруг себя миллионы брызг. Те, кому повезло, бешенно виляя между ямами, ухитрялись проскочить на противоположную сторону. Менее хладнокровные и удачливые намертво застревают среди трещин. Трудно представить, что чувствовали люди, оказавшиеся перед выбором: медленно проваливаться в проседающий грунт вместе с заглохшим авто, или же выскочить из него под бушующий ливень крутого кипятка. Во всяком случае, мне не хотелось бы оказаться в этот момент между ними.

Мы провели на обочине шесть часов. Ровно столько, сколько потребовалось всевозможным службам, чтобы развезти постадавших, наладить объезд и восстановить движение. Впечатление от увиденного оказалось настолько сильным, что еще до того, как мы снова тронулись с места, машина перешла в собственность Макса. С тех пор он сильно поправил свое материальное положение, но старый драндулет, кажется, так никому и не продал, хотя пользовался им нечасто.

Я оказался единственным журналистом, снимавшим в тот день на МКАДе. На следующее утро мои фотографии растиражировали едва ли не все московские газеты, не говоря уже про автомобильные издания и Интернет. В принципе, следующую пару месяцев я мог не работать вообще. В этом заключается одна из немногочисленных прелестей нашей профессии – иногда ты сидишь на бобах и думаешь, хватит ли денег на бензин, потом хлоп – и без особых усилий вдруг ощущаешь себя Али-Бабой.

Впрочем, на самом деле нашему брату редко удастся бездельничать. Вот и в тот раз, помнится, все тоже сложилось весьма некстати. Я уже заказал путевку в Таиланд и раздумывал, с кем бы мне хотелось провести время, когда среди ночи позвонил Руслан. Голос у него был встревоженный и, как выяснилось, неспроста. Следующие три часа мы колесили по городу, объезжая аптеки, а утро я провел в больнице: Вовке, младшему сыну Габоевых, предстояла тяжелейшая операция: заигравшись с братом он опрокинул на себя закипающую скороварку.

В итоге все мои немаленькие гонорары перекочевали в бездонные карманы реаниматоров, хирургов и анестезиологов непосредственно вслед за Габоевскими сбережениями, а отдых в Таиланде отложился на неопределенный срок.

Потом, едва пойдя на поправку, этот шпаненок упал с лестницы, играя в прятки в собственном подъезде. Только через полгода ему снова разрешили вставать на ноги.

* * *

Они стояли прямо посреди дороги, на самой проезжей части, и вели оживленный спор. Их узкие темные силуэты выглядели расплывчатыми и эфемерными в пелене дождя. Казалось, два призрака, внезапно схлестнувшись на шоссе, мечут друг в друга смертоносные заклинания.

Я подошел поближе и спросил Руслика, не нужна ли ему помощь. В ответ он яростно и как-то обреченно всплеснул руками:

– Не знаю. Я вообще ничего не понимаю. Если я ее отпущу, она тут же бросится под первую же машину.

Только тут я обратил внимание, что, разговаривая, он крепко держит своего оппонента за обе руки, а тот, вернее та, время от времени пытается вывернуться, хотя и не слишком энергично. Впрочем, судя по взмыленному виду Руслика, несколько секунд назад их борьба была куда более ожесточенной.

– Я вызову полицию? – предложил я, нащупывая в кармане сотовый.

– погоди, – остановил меня Руслан, одновременно отражая очередной рывок своей жертвы, – Давай попробуем разобраться сами.

Мы разобрались.

Первым делом мы объединили усилия и не без труда затолкали упирающуюся девицу в свой "Понтиак". Это уже было редкой глупостью: по американским законам с этого момента нас можно было обвинить в чем угодно: от сексуальных домогательств до похищения человека. Впрочем, тогда мы почему-то не задавались подобными вопросами. Возможно, что-то в глубине души подсказывало, что наша невольная гостя не будет спешить доносить в полицию.

Ни о каком блюзе, естественно, не могло быть и речи. Мы вернулись в отель, заперлись в номере и принялись отпаивать незнакомку добытой невесть, где валерьянкой и терпким сладким калифорнийским вином. Ей потребовалось около часа, чтобы прийти в себя и немного успокоиться. К счастью, даже в самом истеричном состоянии она не пыталась больше кричать или предпринимать попытки к бегству, в противном случае наше с Русланом положение стало бы весьма двусмысленным.

В конце концов она освоилась настолько, что согласилась расстаться с насквозь мокрым нейлоновым плащом и забралась в мягкое гостиничное кресло, трогательно поджав ножку и затравленно озираясь по сторонам.

– Вы террористы? – поинтересовалась она таким тоном, что мы оба едва не подавились от смеха.

– Нет, мы журналисты, – наконец выдал я.

– Тогда зачем вы меня здесь держите?

– Потому, что вы едва не угробили нас обоих и нам интересно знать, почему.

Я, тем временем, пристально разглядывал нашу гостью. Я всегда тщательно рассматриваю незнакомых девушек. В девяноста процентах случаев в этом нет ровным счетом никакой пользы, но ради оставшихся десяти стоит проявить некоторое внимание и наблюдательность.

В данном случае, однако, можно было особенно не стараться: перед нами была вполне заурядная американская девчонка. Неопределенного возраста, довольно стройная, лицо миловидное, не отталкивающее, но и не из тех, которые можно запомнить надолго с первого раза. Светлые, почти бесцветные волосы, серые глаза, узкие губы, короткий вздернутый носик. В общем типичный продукт фитнеса, диеты и косметических салонов, выпускаемый американской индустрией миллионными тиражами.

Руслан шумно вздохнул и с видом бывалого следователя начал допрос по всем правилам.

* * *

Фамилия у Степана была необычная – Шерстопят. Не знаю, соответствовала ли она истине в полной мере, но, судя по его внешнему виду, это было вполне вероятно. По крайней мере, когда он восседал вот так, в одной майке и тренировочных штанах, косматая темно-русовая шерсть топорщилась у него повсюду. Она пузырилась на груди, ключьями торчала из

подмышек, клубилась вокруг шеи, робко пробивалась между складок на лбу и виднелась из ушей.

Напротив Степана восседал чиновник иммиграционной службы. Аккуратный, коротко стриженный, безукоризненно одетый, он явно чувствовал себя неуютно за привинченным к полу железным столом в полутемной штурманской рубке, служившей одновременно кают-компанией.

Диалог между этими странными людьми был в высшей степени занимателен. Чиновник, несомненно, принадлежал к той категории чернокожих, которая способна забросить мяч в кольцо с любого ракурса и дистанции. Остальными карьерными успехами он, видимо, был обязан тотальной борьбе своего ведомства с расовой сегрегацией. Потому теперь, когда его афроамериканский интеллект схлестнулся с восточным стоицизмом Степана, бедолаге приходилось туго.

– Ночью вы приняли на борт двух человек, – утверждал темнокожий с напором.

– Угу, – меланхолично отзывался Степан, неторопливо кивая на нас с Русланом своей большой мохнатой головой.

– У нас есть свидетельства, что вместе с ними на борт проник еще один человек. Посторонний.

– Угу, – все также терпеливо поддакивал капитан, потирая ладонью волосатый нос.

– В этих обстоятельствах мы не можем разрешить выход судна в море без досмотра.

– Угу.

– Мы можем приступить?

– Э-э-э... Зачем? – Степан непонимающе прищурился, и его глаза на мгновение скрылись за густыми бровями.

Далее все повторялось заново.

Актерские способности Степана были изумительны. Стоило чиновнику начать проявлять нетерпение, как на лице капитана немедленно проступало осмысленное выражение. Он с серьезным видом задавал пару-тройку вопросов, убеждался, что собеседник снова обрел положенное должностное спокойствие, после чего вновь возвращал себе бесприсветно-придурковатый вид.

Между тем, погода, очевидно, портилась. "Марианну", отдавшую якорь на внешнем рейде, изрядно потряхивало, и лица присутствующих, за исключением моряков, начали утрачивать свои естественные цвета. Это заставило чиновника форсировать процесс.

– Так, – заявил он, – либо мы сейчас же досматриваем судно, либо я уезжаю.

– Досматриваете судно? – неподдельно удивился Степан, словно последний час речь хоть раз заходила о чем-то другом, – Зачем?

– У вас на борту могут быть нелегальные иммигранты, – чуть не завопил чиновник, стремительно избавляясь от остатков политкорректности.

– Эмигранты? – заинтересовался капитан, наивно хлопая глазами, – Какие эмигранты?

– Нелегальные! – кривясь уточнил чиновник. Видно было, что ему нехорошо.

– А, – радостно протянул Степан тоном внезапного прозрения.

Затем добавил с покаянной миной:

– Но... у меня нет на борту нелегальных иммигрантов.

– Проверим, – через силу выдавил инспектор и дернулся к выходу.

– Погодите, – остановил его капитан. Очевидно, внезапно обретенное озарение подсказало ему особенно сильный аргумент, – но ведь вы не можете найти у меня не-ле-гал-ных эмигрантов, их тут нет!

– Проверим, – повторил чиновник.

Будь у него в руке бейсбольная бита или хотя бы хоккейная клюшка, Степану наверняка пришлось бы плохо. – Если вы действительно не везете ничего запрещенного, то сможете немедленно выйти в рейс.

– Выйти в рейс? – просиял Шерстопят, словно наконец-то услышал знакомое слово. И добавил укоризненно:

– Так бы сразу и сказали...

И, широко распахнув громоздкую металлическую дверь, завопил что есть мочи:

– Приготовиться к отходу!

Воспользовавшись моментом, чиновник молнией метнулся к трапу. Следом за ним потащились двое его подручных.

Вслед им послышалось недоуменно-ворчливое:

– Эй, кто-нибудь, покажите товарищам судно! Им нужны какие-то эмигранты... поищите с ними... Хотя вообще-то у нас порожняк.

– Если я когда-нибудь соберусь писать книгу, – серьезно проговорил Руслик, – эти два персонажа будут первыми в очереди.

– Жаль, что ты не Чехов, – резюмировал я, и мы одновременно поднялись из-за стола.

* * *

– Привет, – сказала Галка удивленно и немного растерянно, – Проходи.

Я зашел в длинный темноватый коридор и принялся, неловко озираясь, выглядывать Руслана.

– Он сейчас, – подсказала Галка, без труда угадав, что я ищу.

– Руслик! – позвала она в глубину коридора, – это Игорь.

Он появился в халате и шлепанцах на босу ногу – ни дать, ни взять турецкий визирь на заслуженном отдыхе. Странно, что жена разрешила ему шляться в таком наряде: сама она в жизни не позволила бы себе ходить расхристанной даже дома. В тот момент я впервые поймал себя на том, что частенько думаю про нее без всякой на то причины. Я вдруг осознал, что за пятнадцать лет знакомства ни разу не видел Галку неопрятной, неряшливо одетой или непричесанной. Мы ходили в походы, ездили на пикники, как-то по молодости даже прыгали с парашютом, но везде она неведомо как находила время привести себя в порядок. И еще я подумал, что, если бы среди моих девушек была такая, которая могла бы, родив двоих детей, так же выглядеть в тридцать один год, я наверняка присмотрелся бы к ней серьезнее.

Я так замечтался, что возникшая пауза получилась неловкой. Пришлось спешно доставать из-за спины цветы и коньяк и, повесив на лицо глуповатую улыбку, орать: "Поздравляю", хотя выглядело все это натянато и неудобно.

На лицах Габоевых появилось ратерянное выражение.

– Спасибо, – приняла букет Галка. – А с чем?

Тут настала моя очередь изумляться.

– Ребята, вы что? У вас же сегодня десять лет.

Физиономия Руслика слегка вытянулась.

– Ну да... – подтвердил он не слишком уверенно.

– Не "ну да", а точно. Неужели вас еще никто не поздравлял?

– Не-а, – весьма неопределенно заявила Галка. – У нас телефон с вечера выключен.

– Понимаешь, – уточнил Руслан после секундного раздумья, – мы тут... э-э-э... немного поссорились.

Я присвистнул. Не то, чтобы Габоевы никогда раньше не ссорились, но уж точно не настолько, чтобы рассказывать об этом мне. Тем более в такой день.

– Так... – протянул я, еще не зная наверняка, что буду говорить дальше.

– Ничего, ничего, – поспешно откликнулся Руслик. – Это нормально, случается. В общем уляжется-успокоится.

Глаза его в этот момент смотрели куда-то мимо. Руслан принадлежит к породе людей, которым противопоказано врать: выражение лица всегда выдавало его с головой.

Галка озабоченно покосилась на двери детской. Оттуда доносился смех и веселое повизгивание. Но сам этот опасливый многозначительный взгляд говорил даже больше, чем русликовская ложь.

– Так, – отрубил я, демонстративно глядя на часы и стараясь выглядеть как можно решительнее. – Сейчас, похоже, вы не в форме, а мне надо на работу. Заеду часиков в пять. Вино пока забираю, цветы оставляю, чтоб не завяли.

– В пять не получится... – начала отнекиваться Галка, но я что есть силы замотал головой, не желая ничего слушать. Я был уверен, что любая тактичность только испортит дело.

– Заеду, а там разберемся. До вечера.

Не помню, кто из них закрыл за мной дверь.

Никакого плана у меня не было, приходилось все придумывать на ходу. Я твердо знал, что, если эти два упрямца поцапаются всерьез, дело может закончиться алиментами. Десять лет – слишком долгий срок, чтобы вдруг делать событие из пустячных трений. Был у них повод или нет, но поругались они крепко, раз уж мне стало об этом известно из первых рук.

Естественно, урегулирование отношений было личным делом семьи Габоевых, но в глубине души я ощущал, что не могу пустить его на самотек и дать им испортить себе жизнь из-за какого-нибудь пустяка. И я, как это не смешно, стал разыгрывать из себя добрую фею.

Мне могло повезти, а могло не повезти. Мои шансы были пятьдесят на пятьдесят. Они могли дожидаться меня из вежливости, могли и уйти по каким-нибудь свежепридуманным "делам". К счастью, оба были дома. Более того, явившись к ним без четверти шесть, я прямо на пороге столкнулся с конкурентами в лице руслановых родителей. С цветами и подарками, они нерешительно топтались в прихожей, ошарашенные примерно так же, как я утром.

– Итак, – твякнул я, продолжая играть роль отца-командира, – пять минут на сборы и вперед.

– Чего? – опешил Руслик и встал в позу, готовый протестовать.

Но инициатива была на моей стороне.

– У меня билеты на балет, – пояснил я, доставая из кармана бумажки, стоившие мне полдня презрительнейшей нервотрепки. – За деньги, между прочим, купленные. Поехали, общимся к искусству, а потом, уж поверьте, у вас еще хватит времени погрызть друг друга, – добавил я с вымученным ехидством.

Про деньги я сказал специально, как только заметил, что Галка намеревается что-то возразить – она всегда была крайне, даже излишне, щепетильна по части чужих расходов. Руслана я не опасался, но обиженные женщины иногда бывают чрезвычайно упрямы и никогда нельзя сказать достоверно, что творится у них в голове.

К счастью, Ахмед Асланович сразу сообразил, что к чему. Каждый раз, сталкиваясь с этим человеком, я убеждался, как удивительна его жизненная мудрость и тихо завидовал его дару понимать самую непростую ситуацию, что называется, с листа.

– Вот это дело, – рокотнул он и одобрительно хлопнул меня по плечу. – А детей мы на ночь заберем к себе. На балет, по-моему, им еще рановато.

Его жена – Малика – одобрительно закивала головой. Галка поглядела на меня волком, но спорить со всеми сразу не рискнула. Фыркнув, она развернулась и отправилась собираться. Этот раунд остался за мной.

* * *

Я никогда не думал, что вместе они смотрятся столь эффектно. Даже на своей свадьбе Габоевы не производили такое сильное впечатление. Руслик, чисто выбритый, в темно-синем, шитом на заказ, костюме, выглядел прямо-таки образцовым мачо. Про Галку нечего и говорить: я боялся даже глядеть в ее сторону, чтобы не впасть лишний раз в щенячий восторг и, не дай бог, не понаделать глупостей.

В их компании мне было даже чуточку неудобно. Я крутился весь день и так быстро, что даже не успел сменить потертую водолазку на что-нибудь более подходящее для вечернего мероприятия. Впрочем, сегодня мне надлежало работать доброй феей, и я утешался тем, что внешний вид добрых фей может быть чуточку попроще, чем у королей и королев.

У метро я притормозил. Валентина, как договорились, уже ждала на остановке. С огромным букетом цветов и дурацким полиэтиленовым пакетом она плюхнулась на заднее сидение и защебетала стремительной неразборчивой скороговоркой. С этого момента я понял, что дело наладится.

Валя Голотова была лучшей, а может и единственной подругой Галки. Они познакомились в компьютерных классах, куда ходили на последних курсах института. С тех пор их пути время от времени пересекались, чаще всего по праздникам, но иногда и не только. Мне стоило немалых трудов самостоятельно найти ее телефон, но в итоге все получилось как нельзя лучше.

Первый акт я просидел как на иголках. Я всегда искренне ненавидел балет: не понимаю, как люди способны ходить на это зрелище по доброй воле, да к тому же за собственные деньги. Руслик, уверен, чувствовал себя примерно так же, однако о ссоре ни он, ни Галка больше не вспоминали. Возможно, их смущало присутствие Валентины, а может быть просто перегорели за день.

В антракте, тщательно спланированным экспромтом, появился Дон Ромео, и тут все окончательно повеселели. Вообще-то его звали Пашей, но я не помню, чтобы кто-то называл по имени этого тощего долговязого недотепу. Не знаю, где и когда приклеилась к нему эта кличка, тем более что ни героем, ни бабником он точно не был. Более того, его вообще редко удавалось увидеть в женском обществе.

Дон Ромео был Галкиным двоюродным братом, единственным ее родственником в радиусе тысячи километров. Он был лет на пять моложе нас, и Габоевы до сих пор относились к нему покровительственно и даже чуть снисходительно. Возможно, не последнюю роль в этом сыграло шоу, которое совсем молоденький Ромео устроил на их свадьбе. Ему тогда чуть ли не впервые представилась возможность по-настоящему напиться, и Дон воспользовался ей от души, изрядно повеселив гостей.

Как бы то ни было, с Ромео никогда не бывало скучно, и это было именно то, что требовалось сейчас.

После спектакля явился мой давнишний приятель Вольдемар с супругой и, что важнее, с гитарой. Затем подкатил Герман, большой мастер скабрезной шутки и наш с Русликом общий кореш по редакции. Веселый и уже слегка нетрезвый, он принялся с таким жаром ухлестывать за Валентиной, что мне стало не по себе, как бы он не испортил всем праздник. Затем подтянулись другие приглашенные, в том числе дамы, так что выбор у Германа расширился, а напор, в полном соответствии с законами физики, убавился, и у меня отлегло от сердца.

Расходиться начали в пять утра. Крохотный полуподвальный ресторанчик всю ночь стоял от наших песен, хмельных криков и веселых перебранок. Мы вусмерть загнали бедолаг-официантов, а несчастный хозяин, по совместительству исполнявший обязанности бармена и метродотеля, был вынужден минимум дважды сгонять за водкой "на угол". Так что не будь я его верным и постоянным клиентом, счет, наверняка, получился бы километровым.

Утром я отвез Габоевых домой. Руслик крепко спал на заднем сидении: не припомню, чтобы он когда-нибудь наливался до такой степени. Галка сидела рядом со мной, глядя в про-

странство. Она была совершенно трезвой, хотя вроде бы веселилась ничуть не меньше остальных.

Мы проехали больше полпути, когда она, наконец, вышла из оцепенения, или, вернее, оторвалась от каких-то своих, непонятных для меня, размышлений.

– Спасибо, Игорек, – сказала она вроде бы искренне и в то же время иронично.

До этого момента я был уверен, что только моя мама умеет говорить таким тоном.

– Что у вас там случилось? – поинтересовался я.

Правильнее было бы не затрагивать сейчас эту тему, но мне было слишком любопытно узнать, ради чего была потрачена эта прорва сил и нервов.

– Да ничего особенного. Я снова хотела подыскать себе работу, но, ты знаешь, Руслик воспринимает такие попытки, как личное оскорбление.

– Он все еще считает, что работающая жена – позор для мужчины?

– Вроде того. И его нисколько не интересует, что я не могу всю жизнь сидеть дома, варить еду и пасты детей. Мы ведь все-таки не в семнадцатом веке.

– Я с ним поговорю.

– Бесполезно. Эта идея зашита у него на генетическом уровне.

– Ерунда, – легкомысленно заявил я, и больше мы не заговаривали на серьезные темы.

Поговорить с Русликом я, честно сказать, так и не собрался.

* * *

– Ну и что? Ну и что???

Я не знал, что еще можно ему ответить. Журналисты вообще мастера передергивать, но даже у них должен быть какой-то предел...

– Пока что мы ухитрились вляпаться в довольно скверную историю.

Это была моя единственная связная мысль в тот момент. Даже весьма смелые люди иногда впадают в панику, а я никогда не считал себя храбрецом.

– Не будь эгоистом, – хмуро заметил Руслан, не поднимая глаз от пола.

– Я – не эгоист? Я просто не хочу сесть в тюрьму за соучастие.

– Вот-вот, именно это я и имею в виду. Тебе наплевать! Наплевать, что девочка всю жизнь проведет за решеткой? По мне, так лучше бы они убили бы ее сразу.

Я чуть не задохнулся:

– Ты третий день только и твердишь, какая она душечка-бедняжечка, будто это кто-то другой совершил за нее хладнокровное и ничем не мотивированное убийство. Бр-р-р... Мне кажется, со стороны американского общества было малообоснованной гуманностью не отправить ее сразу же на электрический стул.

– Брось... Сколько ей тогда было? Девятнадцать? Двадцать? Двадцать один? Что можно соображать в двадцать один год?

– По-моему даже дошкольник знает, что убийство – самое тяжкое из преступлений.

Он хмуро и как-то обреченно всплеснул руками:

– Как, однако, все у тебя просто... Убил, наказан, привет.

– А разве не так?

– Конечно не так. Конечно, не так! Ну тебе вот, положим, легко. Ты сам себе хозяин. Сегодня здесь – завтра там. Сегодня с блондинкой, завтра – с брюнеткой. Сегодня в одном журнале печатаешься, завтра во втором, послезавтра – в третьем. Я, к примеру, так не могу.

– И?..

– А ты знаешь, как иногда хочется от всего этого избавиться? Просто пожить как душа просит. Стихи пописать, романчик покрутить. Со студенточкой, с парикмахершей, а то и просто с продавщицей. Продавщицы знаешь какие бывают – дух захватывает.

Он грустно улыбнулся. Я глядел на него во все глаза. Вот уж с кем у меня не вязался подобный образ мыслей, так это с Русликом.

– А не смей! Сразу начнется: развод, алименты, детей, подлец, бросил... Отец, к примеру, вообще потом на порог не пустит. А я, может, поэтом мог бы стать, а не пустячные статейки пописывать...

– Ну, батько, где ж ты раньше-то был?

– Раньше, раньше... Жизнь-то меняется... Ну, да мы вообще-то не про меня. Мне-то как-раз грех жаловаться: жена-красавица, дети-умницы – не жизнь, а малина. А девочка эта? Выскочила замуж ни свет ни заря. Молодо-зелено, гормоны играют, хочется любви, свободы, романтики всякой... Секса хочется. Сами что ль не знаем? Все такими были. Тем более – парень видный, спортсмен, красавец. Много ли ей в двадцать лет надо?

– Ага, а как поняла, почему фунт лиха – красавца своего в расход и снова скакать стрекозой?

– Не передергивай. Поняла, что ошиблась. Кто не ошибается?

– Если из-за каждой ошибки травить мужа ядом – скоро одни бабы на планете останутся. Руслан поморщился.

– И что ей делать? Ты, Игореша, поставь-ка себя на ее место. Родители против категорически. Подружки смеются и заключают пари, как скоро он тебя бросит. Профессора смотрят искоса. Обидно.

Ладно. Проявила характер, настояла, вышла замуж. И тут на тебе – такая оказия. И он, оказывается, не принц, и ты – не Золушка, и феи рядом тоже нету.

– На этот случай умные люди придумали разводы.

– Разводы? А ты представляешь, какое это позорище в двадцать-то лет? Это для тебя развод – абстракция, а для нее – наичистейшая, знаешь ли, конкретика. Пробивал-пробивал значит лбом стену, а потом – бац и все зря. Да что говорить, в ее положении такое даже вообразить страшно. Мама иначе как "моя дурочка" и называть не станет. Знаешь, ласково так, сочувственно. Папа будет грозиться перестать платить за колледж. Девчонки начнут шушукаться, чем именно ты его не устроила...

– Это она тебе рассказала или фантазируешь?

Он ушел от ответа, продолжив вместо этого развивать тему.

– И еще обида, и гнев, и ярость. Попранные мечты, разрушенные надежды, разбитые иллюзии...

– То есть ты ее оправдываешь?

– Нет. Но и особенно осуждать тоже не могу. Нельзя требовать от ребенка, чтобы он думал и поступал, как умудренный годами старик. А они приговорили ее к пожизненному заключению. Вот так – по-жиз-нен-но. Точка.

– А, по-моему, справедливо. Жизнь за жизнь, око за око.

– То есть, по-твоему, справедливо осудить молоденькую девочку весь век провести за решеткой? Справедливо уморить ее в тюрьме? Она, быть может, могла бы написать картину. Симфонию. Детей вырастить. Любовь, опять же, встретить. А они заперли ее с в одну камеру с прожженными рецидивистками и предложили жить в этом обществе до конца дней. Не понимаешь? До конца жизни! Жить, видя, как тело постепенно покрывается морщинами, обжиматься в душе с похотивыми негритянками, плести корзинки по шесть часов в день, читать затрепанные дамские романы из тюремной библиотеки и понимать, что все-все-все утеряно безвозвратно из-за одной глупой юношеской ошибки?

– Руслик, дорогой, это все чистой воды романтика и демагогия. На сегодня я знаю только, что твоя милая протеже хладнокровно и безжалостно лишила жизни ни в чем не повинного человека. Она опасна для общества, а теперь, благодаря ей, и мы тоже. Я вызову полицию и, может быть, хотя бы для нас все еще образуется.

– Нет, – сказал Руслик тоном, которому невозможно возразить. – Так не будет.

* * *

С Васяном мы познакомились в автосервисе. Владение "Мерседесом" вообще предполагает разнообразные знакомства, но из многочисленных "собратьев по марке" Вася представлял собой наиболее колоритный типаж. Огромный, шкафообразный, с начисто выбритой головой, с бицепсами, толщиной с фановую трубу, и с внушительным пивным животиком, он был ярким представителем почти вымершей ныне породы стопроцентных бандитов. Васян представлял собой необыкновенно цельную, практически монолитную личность. Его внешность, слог, манеры и образ мышления – все свидетельствовало о том, что этот человек – истинный профессионал в области рэкета, шантажа, и беспардонного насилия самого откровенного толка. Но и в этом деле его трудно было назвать виртуозом. Тонкие, изощренные методы были черезчур сложны для этой простой, незамысловатой натуры, склонной всегда и везде идти напролом. Зато он был по-своему честен, откровенен и обладал характерным для блатных дружелюбием ко всем, кто не попадал, прямо или косвенно, в сферу его профессиональных интересов.

Пока его "Гелендваген" висел на подъемнике, Васян лениво толкался в ремзоне, рассматривая окружающие автомобили и, по-возможности, обсуждая их особенности с автомеханиками. Для своих умственных способностей он весьма сносно разбирался в технике, чем немало способствовал увеличению продолжительности перекуров у знакомых слесарей.

В день нашего знакомства я заехал в сервис на полчаса: поменять масло и посмотреть подвеску, в которой появился какой-то стук, в принципе несвойственный немецким автомобилям. Чем я привлек васино внимание – неизвестно; по-крайней мере моя машина не произвела на этого обладателя целого автопарка ровно никакого впечатления. Тем не менее, едва только я появился внутри, как он вырос рядом горой треплющегося, сквернословящего, благоухающего потом и табаком мяса, и неуклюже попытался завязать разговор.

Делать мне покамест было нечего, и мы разговорились. Сперва о "Мерседесах", потом о машинах вообще, о снижении качества у "немцев" и о "косоглазых", упорно вытесняющих с рынка старые добрые автомобильные марки.

Тема оказалась для Васи неожиданно близка. Подобно европейскому автопрому, этот представитель классической школы мелкого рэкета был ныне повсеместно тесним более изобретательными и энергичными конкурентами, преимущественно азиатских кровей. Найдя эту нехитрую аналогию, Васян оживился, мигом сменив нейтральную автомобильную тему на криминально-биографическую. А узнав, что имеет дело с журналистом, он с милой непосредственностью заставил меня вытащить диктофон и дал пространное и весьма содержательное интервью, абсолютно, впрочем, для меня бесполезное.

В тот момент я полагал, что мое общение с Васяном этим и кончится. Он, очевидно, не принадлежал к моему кругу, наши интересы нигде не пересекались, и мои шансы встретиться с ним случайно где-нибудь вне автосервиса были минимальны. Однако, Всевышний распорядился иначе. Месяца через два меня попросили написать статью про заказные угоны. Это была совсем не моя тема, я никогда не интересовался этим аспектом автомобилизма, но других заказов в тот момент не наблюдалось, так что пришлось подрядиться на то, что есть. Я мучился в поисках материала, пока не вспомнил про свое шапочное знакомство в мире отпетого криминала. Через администратора сервиса я нашел телефон Васяна, и он согласился немножко просветить меня в означенном вопросе. Кажется, общение с настоящим журналистом слегка тешило его самолюбие. Между прочим, я давно обратил внимание, что люди его склада периодически страдают от недостатка общественного внимания.

Он сделал для меня больше, чем можно было ожидать. Через неделю я не только досконально представлял себе технологию заказного угона, но и лично знал немало персон, специализирующихся в этой отрасли: от рядовых слесарей, перебивающих номера, до кое-кого из организаторов и воротил бизнеса. Накопленного материала хватило бы, чтобы упрятать многих из них за решетку, но я, разумеется, ограничился публикацией самых общих данных. Но даже этого было достаточно, чтобы сильно поднять мой авторитет в глазах профессионального сообщества.

С тех пор мы с Васяном общались еще несколько раз. Однажды – когда одной из фирм, находившихся под его покровительством, потребовалось дать эксклюзивную рекламу. Еще пару раз – консультировали друг друга по различным профессиональным вопросам или же случайно пересекались в сервисе. В конце концов мы стали если не приятелями, то, по крайней мере, хорошими знакомыми. Потом, правда, Васяну потребовалось залечь на дно, и последний год мы практически не общались.

* * *

Вонища внизу была жуткая. Уж не знаю, что там они начудили в трюме, но все помещения ниже главной палубы благоухали так, что хоть святых выноси. Находиться там можно было разве что в противогазе, но противогазов на борту у Степана не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.